

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ HISTORY

УДК 903.2(476)«637»
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-39-45>

Поступила в редакцию 06.10.2025
Received 06.10.2025

Д. В. Портнов

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПОМОРСКАЯ КУЛЬТУРА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Аннотация. Статья посвящена комплексной систематизации и интерпретации материалов поморской культуры на территории Беларуси, сведения о которых имеют разрозненный характер. На основе анализа расположения памятников выделены два основных микрорегиона расселения – Брестский и Пинский. Определена специфика восточной периферии культуры, выраженная в доминировании подклешевых и ящичных погребений при отсутствии лицевых урн. Делается вывод об аллохтонном характере населения, а в качестве ключевой научной проблемы, вытекающей из проведенного анализа, обозначается вопрос об определении роли поморского субстрата в процессе формирования зарубинецкой культуры.

Ключевые слова: поморская культура, ранний железный век, археология Беларуси, Западное Полесье, подклешевые погребения

Для цитирования: Портнов, Д. В. Поморская культура на территории Беларуси / Д. В. Портнов // Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 1. – С. 39–45. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-39-45>

Dmitriy V. Portnov

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

POMERANIAN CULTURE ON THE TERRITORY OF BELARUS

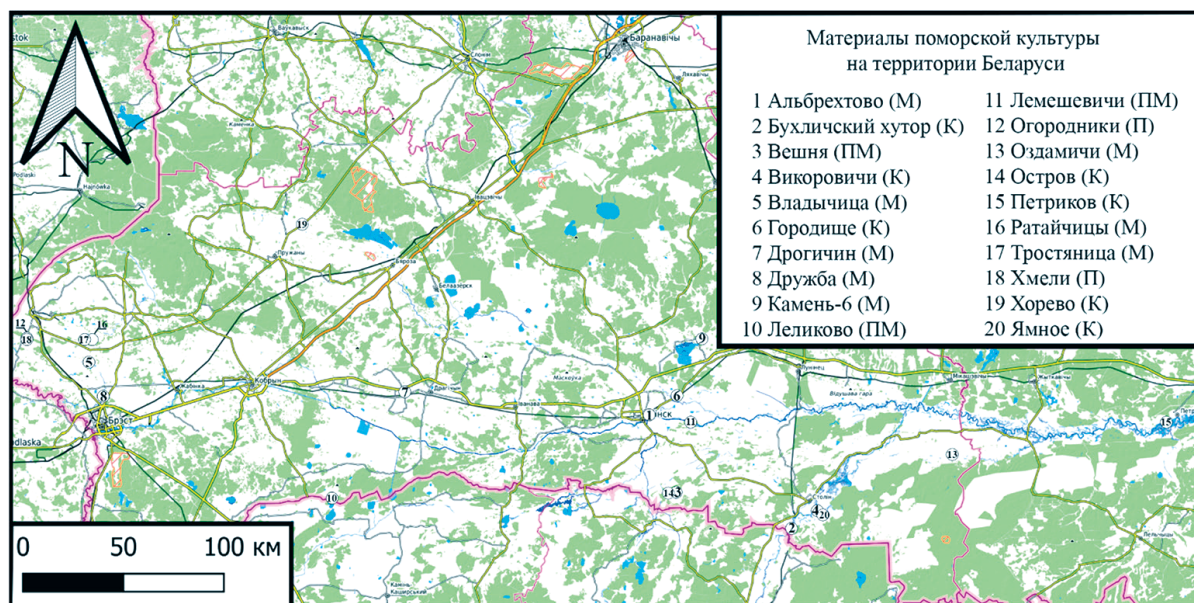
Abstract. This article focuses on the comprehensive systematization and interpretation of materials from the Pomeranian culture found on the territory of Belarus, information about which has previously been scattered. Based on a spatial analysis of the sites, two primary micro-regions of settlement are identified: the Brest and Pinsk areas. The study defines the specific characteristics of the culture's eastern periphery, which is marked by the dominance of bell-graves (cloche graves) and cist-graves alongside the absence of face-urns. The paper concludes that the population was allochthonous in nature and highlights a key scientific problem stemming from the analysis: the question of determining the role of the Pomeranian substrate in the formation of the Zarubintsy culture.

Keywords: Pomeranian culture, Early Iron Age, archaeology of Belarus, Western Polesia, bell-graves (cloche graves)

For citation: Portnov D. V. Pomeranian culture on the territory of Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2026, vol. 71, no. 1, pp. 39–45 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-39-45>

Введение. Территория Западного Полесья в раннем железном веке долгое время оставалась своего рода *locus inexploratus* в белорусской археологии. После исчезновения в регионе памятников тшиньской культурной общности около XI в. до н. э. [1, с. 339] и вплоть до появления здесь в V в. до н. э. носителей поморской культуры образуется подлинный *vacuum historicum* – хронологическая лакуна продолжительностью почти в семь столетий. Вопрос о культурно-исторических процессах, происходивших в это время, остается открытым [2–4], что и определяет актуальность любых новых исследований по данному периоду.

Данное исследование основывается на материалах поморской культуры, обнаруженных на территории Беларуси. Хотя эти сведения были систематизированы автором в рамках диссертацион-

Карта памятников поморской культуры на территории Беларуси: М – могилище; П – поселение; ПМ – подъемный материал; К – керамика поморского типа с многослойных памятников

Map of Pomoranian culture sites on the territory of Belarus: М – Grave field; П – settlement; ПМ – surface finds; К – Pomeranian-type ceramics from multi-layered sites

ного исследования, в формате научной статьи они представляются широкой научной общественности впервые. Основная задача исследования – анализ источниковой базы, определение специфики белорусских памятников и их места в общем ареале поморской культуры.

Проблема заключается в том, что за все время исследований было выявлено лишь около 20 объектов (рисунок), которые можно связать с данной культурной группой. Это количество резко контрастирует с сотнями памятников, известных на территории Польши. Такая ограниченность источниковой базы, а также тот факт, что за пределами своего основного ареала поморская культура теряет наиболее яркие черты (например, лицевые урны), привели к тому, что данная проблематика долгое время находилась на периферии научных интересов.

Таким образом, несмотря на фрагментарность источниковой базы, комплексный анализ и систематизация даже имеющихся материалов позволяют отметить основные контуры присутствия поморской культуры на территории Беларуси, выявить ее локальную специфику и обозначить ключевые проблемы для будущих исследований.

Основная часть. Основой для исследования послужил свод памятников поморской культуры на территории Беларуси, составленный автором в процессе подготовки диссертационной работы. В этот каталог вошли 20 объектов, информация о которых была извлечена из опубликованных научных работ, архивных отчетов и музейных коллекций. Следует отметить, что большинство этих памятников было открыто в середине XX века, а сведения о них имеют разрозненный характер. Критическая верификация и систематизация этих данных позволили сформировать единую источниковую базу, которая и легла в основу представленного ниже анализа.

Анализ расположения 20 объектов, включенных в каталог, выявляет неравномерный и четко структурированный характер расселения носителей поморской культуры на территории Беларуси. Вместо дисперсного или сплошного освоения региона памятники образуют два отчетливых ареала концентрации, разделенных значительной территорией, на которой находки поморского типа на сегодняшний день практически отсутствуют.

Эта биполярная структура позволяет выделить два основных микрорегиона, которые условно можно обозначить как **Брестский** (в западной части исследуемой территории) и **Пинский** (в восточной). Помимо этих двух ядер существует несколько памятников, расположенных за их пределами, которые имеют ключевое значение для понимания потенциальных путей миграции

и определения перспективных зон для будущих полевых работ. Последовательное рассмотрение этих групп позволяет выявить как общие черты, так и локальную специфику поморского населения в Западном Полесье.

Брестский микрорегион является *locus classicus* для изучения такого культурного явления, как поморская культура на территории Беларуси. Именно здесь, в бассейнах рек Лесная и Пульва, были сделаны первые находки, введенные в научный оборот еще в межвоенный период К. Салевичем, а позднее дополненные исследованиями Ю. В. Кухаренко [5; 6] и обобщенные в работах В. Б. Никитиной, включая ее диссертационное исследование [7–9]. Всего в пределах этой группы зафиксировано 6 памятников, 4 из которых подвергались раскопкам разной степени детальности.

Наиболее значимым и информативным объектом является могильник Тростяница. Исследования здесь выявили как минимум два типа погребальных конструкций: ящичное захоронение и подклешевое. Ящичное погребение представляло собой каменную конструкцию размером 2×0,40–0,95 м, внутри которой находилось 5 сосудов, но прах содержался лишь в одном [5, с. 10–11]. Второе, подклешевое, погребение содержало скопление кальцинированных костей, над которым располагался сосуд-клеш. Именно в этом комплексе были найдены ключевые датирующие артефакты: железные фибула и кольцо [5, с. 11–12]. Фибула, относящаяся к раннелатенскому духцовскому типу, позволяет датировать погребение периодом LtB (420–260 гг. до н. э.).

Важной особенностью памятника является наличие 22 ям, интерпретация которых остается дискуссионной. В их заполнении, помимо поморских материалов, присутствует керамика, которую ряд исследователей связывают с культурой штрихованной керамики (КШК) или культурами лесной зоны Восточной Европы [10, с. 97]. Эта ситуация указывает на сложные культурные контакты в регионе, хотя вопрос о путях и механизмах этих взаимодействий требует дальнейшего изучения.

Другие памятники региона изучены слабее. Могильники в Ратайчицах и Владычице известны по случайным находкам, сделанным в 1920–1930-х гг. Конструкции, вероятно, ящичного типа были разрушены, а материал частично утрачен [11, с. 167–170]. Могильник Скорбичи (совр. д. Дружба), исследованный Ю. В. Кухаренко и В. Б. Никитиной, также является многослойным. Здесь было выявлено, как минимум, два разрушенных подклешевых погребения [6, с. 20; 7, с. 11]. Особое значение для этого памятника имеет недавняя находка в его окрестностях деревянного челна, радиоуглеродные даты которого (480–210 гг. до н. э.) совпадают с периодом бытования поморской культуры, что делает его важным хронологическим репером для всего региона [12, с. 72, 78].

Единственное исследованное поселение в этом микрорегионе – Кусичи (совр. д. Огородники). Здесь на площади 50 м² были открыты остатки наземного жилища неправильно-прямоугольной формы (4,5×4,0 м) с каменной обкладкой по периметру и двумя очагами внутри. Материальный комплекс представлен преимущественно фрагментами керамики поморского типа [7, с. 4–6]. Еще один памятник, поселение Хмели, известен лишь по подъемному материалу и требует дальнейшей верификации [7, с. 6–7].

Таким образом, материалы Брестской группы свидетельствуют о наличии здесь небольшой, но устойчивой поселенческой сети. Погребальный обряд (ящичные и подклешевые захоронения) и датирующие материалы (фибула духцовского типа) соответствуют II–III фазам развития поморской культуры.

Пинский микрорегион, охватывающий бассейны рек Горынь, Пина, Припять, Стыр и Ясельда, представляет собой значительно более сложную для анализа группу памятников. Интерес к этой территории как к возможному ареалу распространения поморской культуры возник в 1960-е гг. по инициативе Ю. В. Кухаренко [6; 13]. Однако, в отличие от Брестской группы, большинство из 9 объектов, относимых к этому региону, было открыто позднее и, что важно, не в ходе целенаправленных поисков, а опосредованно, при исследовании памятников других эпох. Этот факт, а также характер находок обуславливают необходимость критического подхода к источниковой базе.

Наиболее достоверные свидетельства происходят с памятника Городище (Пинский р-н), исследованного В. С. Вергей. Здесь, в заполнении позднейшей средневековой ямы, были обнаружены

крупные фрагменты толстостенного подклешевого сосуда с характерным орнаментом в виде наlepных валиков с пальцевыми защипами. Хотя контекст находки нарушен, сама типология керамики позволяет уверенно связывать ее с поморской традицией [14, с. 5]. Другим важным объектом является могильник в Альбрехтово (г. Пинск), где в 1963 г. было зафиксировано случайное открытие урнового погребения, а последующие шурфовочные работы выявили культурный слой с аналогичной керамикой [13, с. 111].

В то же время большинство остальных памятников требует дальнейшей верификации. На могильнике Камень-6, по данным В. Ф. Исаенко, неолитический слой был поврежден урновыми погребениями поморского типа, однако ни их точное местоположение, ни сам керамический материал не были опубликованы [15; 16]. Для целого ряда объектов (Остров, Вешня, Лемешевичи, Викоровичи, Ямное, Бухличский хутор) принадлежность к поморской культуре была определена позднее, в ходе лабораторной обработки коллекций подъемного материала, собранного при изучении многослойных поселений. Информация об этих находках часто имеет краткий, упоминательный характер [17–21], что не позволяет на данном этапе уверенно судить о масштабах и характере поморского присутствия на этих памятниках.

Таким образом, Пинский микрорегион, несмотря на большее число формально выявленных объектов, характеризуется высокой степенью научной неопределенности. Достоверно зафиксировано наличие здесь подклешевых и урновых погребений, однако отсутствие надежных датировочных материалов и контекста для большинства находок не позволяет сделать далекоидущих выводов. Важной особенностью региона является его расположение на стыке с ареалом милоградской культуры, что ставит вопрос о характере взаимоотношений этих двух культурных образований, но для его решения необходимы дальнейшие целенаправленные исследования.

Помимо двух описанных ареалов существует 5 памятников, расположенных в значительном отрыве от них, в центральной части Западного Полесья и восточнее. Эти объекты имеют ключевое значение, поскольку они указывают на потенциально более широкое распространение поморской культуры и маркируют перспективные зоны для будущих поисков.

К наиболее важным из них относятся могильники Дрогичин и Оздамичи. На первом, исследованном Ю. В. Кухаренко и В. Б. Никитиной, было открыто пять погребений, включая подклешевое, урновое и три ямных, что демонстрирует разнообразие погребальной обрядности [5, с. 2–6]. Второй могильник в Оздамичах, открытый В. С. Вергей, важен в первую очередь благодаря находке фрагментов раннелатенской фибулы духцовского типа [22, с. 3–4]. Наличие идентичного хронологического маркера в Брестском регионе (могильник Тростяница) и здесь, в центральной части Полесья, позволяет выдвинуть *propositio cautiously* об относительно одновременном и быстром освоении поморским населением всей территории Юго-Западной Беларуси.

Самым восточным пунктом на сегодняшний день является многослойное поселение Петриков (Гомельская обл.), где В. С. Вергей и В. Г. Белевцом была выделена немногочисленная, но типологически выразительная поморская керамика, находящая прямые аналогии материалам из Пинской группы (Городище) [23, с. 170]. Памятники же Хорево и Леликово известны лишь по упоминаниям об обнаружении в их коллекциях поморской керамики Л. Д. Поболем и В. С. Вергей, и их статус требует дополнительной верификации [18, с. 78; 19, с. 8–9; 6, с. 21].

Таким образом, наличие памятников в «разрыве» между Брестским и Пинским регионами, а также далеко на востоке свидетельствует о том, что существующая картина расселения является неполной и отражает скорее степень археологической изученности территории, нежели реальные границы поморского освоения. Центральная часть Западного Полесья, таким образом, представляет собой наиболее перспективную зону для целенаправленных разведок, которые могут в будущем существенно дополнить и изменить наши представления о масштабах присутствия поморской культуры на территории Беларуси.

Анализ материалов, происходящих с территории Беларуси, позволяет выделить ряд локальных особенностей, отличающих восточную периферию поморской культуры от ее центральных областей. Наиболее ярко эта специфика проявляется в погребальном обряде. На белорусских памятниках абсолютно доминируют подклешевые и ящичные погребения, в то время как лицевые урны – наиболее известный и выразительный маркер культуры – практически отсутствуют.

Кроме того, все исследованные на данный момент захоронения являются индивидуальными. Коллективные «семейные» гробницы, столь характерные для Балтийского Поморья, здесь пока не выявлены. Это может свидетельствовать об определенных отличиях в социальной структуре или о более слабом влиянии тех культурных импульсов, которые привели к появлению лицевых урн в ядре культуры.

Проблемы хронологии также имеют свою специфику. Из-за бедности инвентаря датировка большинства комплексов остается затруднительной. Основными хронологическими реперами на сегодняшний день служат единичные находки фибул духцовского типа (Тростяница, Оздамичи), относящие присутствие поморского населения ко II–III фазам по периодизации С. Чопека (V–III вв. до н. э.). Важным дополнением к ним является радиоуглеродная дата по челну из окрестностей могильника Скорбичи, которая в целом подтверждает этот хронологический диапазон.

Поморское население на территории Беларуси не существовало в вакууме. Пространственный анализ показывает, что ареал его расселения тесно соседствовал и, вероятно, пересекался с памятниками милоградской культуры и культуры штрихованной керамики (КШК). Наличие «чужеродной» керамики в заполнении ям на могильнике Тростяница является прямым свидетельством этих контактов. Характер этого взаимодействия (торговля, культурный обмен, конфронтация) остается неясным и представляет собой одну из ключевых проблем для будущих исследований. Решение этого вопроса позволит понять, какое место занимали пришлые поморские группы в сложной этнокультурной мозаике раннего железного века на территории Беларуси.

Заключение. Комплексный анализ доступных на сегодняшний день материалов поморской культуры, предпринятый в рамках данного исследования, позволяет сделать ряд ключевых выводов.

Во-первых, присутствие этого населения на территории Беларуси не было сплошным, а имело четкую биполярную структуру с концентрацией памятников в двух микрорегионах – Брестском и Пинском. Наличие значительной, но археологически слабоизученной территории между ними свидетельствует не столько о границах расселения, сколько о недостаточной степени исследованности региона.

Во-вторых, белорусские материалы демонстрируют ряд локальных особенностей. Ключевой из них является специфика погребального обряда, где доминируют подклешевые и ящичные захоронения при практическом отсутствии лицевых урн и коллективных семейных гробниц. Это позволяет характеризовать поморское население на восточной периферии как носителя несколько редуцированного, по сравнению с ядром культуры, варианта традиций. Имеющиеся хронологические маркеры указывают на то, что освоение региона началось не ранее V в. до н. э. и, вероятно, было достаточно быстрым, а сам характер культуры носил аллохтонный характер.

Наконец, ключевой научной проблемой, вытекающей из данного исследования, является вопрос об исчезновении поморской культуры на территории Беларуси. Имеющиеся данные позволяют датировать этот процесс концом III в. до н. э. Эта дата хронологически точно совпадает с появлением в регионе зарубинецкой культуры, на что обращал внимание еще Ю. В. Кухаренко [24]. Этот процесс следует рассматривать не в изоляции, в отличие от свойственного предшествующей исследовательской традиции изолированного подхода, а в контексте глобальных перемен, происходивших в это время в Центральной Европе, – масштабной миграции ясторфских племен, которая привела к распаду поморской общности на ее основных территориях. Таким образом, вопрос о конкретных механизмах трансформации поморского субстрата и его роли в генезисе зарубинецкой культуры становится центральным для понимания этнокультурных процессов раннего железного века в Западном Полесье и требует дальнейших целенаправленных полевых исследований.

Список использованных источников

1. Крывальцэвіч, М. М. Тшчцінецкая культура / М. М. Крывальцэвіч // *Археалогія Беларусі: у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мн., 1997. – Т. 1: Каменны і бронзавыя вякі / навук. рэд.: М. М. Чарняўскі, А. Г. Калечыц. – С. 330–339.*
2. Крывальцэвіч, М. М. Праблема перадызацыі і храналогіі эпохі бронзы на тэрыторыі Паўднёвай Беларусі / М. М. Крывальцэвіч // *Гістарычна-археалагічны зборнік / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мн., 2006. – Вып. 22. – С. 39–52.*

3. Крывальцэвіч, М. М. З даследаванняў позняга перыяду эпохі бронзы на поўдні Беларусі / М. М. Крывальцэвіч // *Zmierzch kompleksu trzciniecko-komarowskiego. Krztałtowanie się nowej rzeczywistości kulturowej w środkowej i młodszej epoce brązu* / Inst. Archeologii UMCS; pod red. H. Taras. – Lublin, 2006. – S. 123–131.
4. Крывальцэвіч, М. М. Праблематыка археалогіі бронзавага веку Палесся ў працах Уладзіміра Фёдаравіча Ісаенкі / М. М. Крывальцэвіч // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі: зб. навук. арт. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі*. – Мн., 2019. – Вып. 30: Даследванні беларускіх старажытнасцей. – С. 92–103.
5. Кухаренко, Ю. В. Отчет о полевых исследованиях за 1962 г. / Ю. В. Кухаренко, В. Б. Никитина. – М., 1963. – 75 л. – Архив Ин-та истории НАН Беларуси. ФАНД. Арх. № 179.
6. Кухаренко, Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья / Ю. В. Кухаренко. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 70 с. + 46 л.
7. Никитина, В. Б. Отчет о полевых исследованиях за 1963 г. / В. Б. Никитина. – М., 1964. – 27 л. – Архив Ин-та истории НАН Беларуси. ФАНД. Арх. № 212.
8. Нікіціна, В. Б. Помнікі паморскай культуры на тэрыторыі БССР / В. Б. Нікіціна // *Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук*. – 1964. – № 2. – С. 69–77.
9. Никитина, В. Б. Поморская культура: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00 / Никитина Валентина Брониславовна. – М., 1964. – 520 л.
10. Белявец, В. Г. Грунты могілнік у Трасцяніцы – невядомыя вынікі раскопак палескай экспедыцыі 1962 г. / В. Г. Белявец // *Гістарычна-археалагічны зборнік / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі*. – Мн., 2004. – Вып. 19. – С. 87–114.
11. Salewicz, K. Nowe wykopaliska w pow. Brzeskim / K. Salewicz // *Z otchłani wieków*. – 1937. – R. 12, z. 7–8. – S. 166–170.
12. Ашэйчык, В. У. Рэшткі драўлянага чоўна з-пад в. Скорбічы (Дружба) у Беларускім Пабужы / В. У. Ашэйчык, В. Г. Белявец // *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. – 2020. – № 3. – С. 72–82. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-72-82>
13. Кухаренко, Ю. В. Из разведок в Полесье / Ю. В. Кухаренко // *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии / АН СССР*. – М., 1966. – Вып. 107: Археологические памятники раннего железного века. – С. 111–113.
14. Вергей, В. С. Отчет о полевых исследованиях в Пинском районе Брестской области в 1987 г. / В. С. Вергей. – Мн., 1988. – 95 л. – Архив Ин-та истории НАН Беларуси. ФАНД. Арх. № 1091.
15. Исаенко, В. Ф. Отчет о полевых исследованиях за 1982 г. / В. Ф. Исаенко. – Мн., 1983. – 50 л. – Архив Ин-та истории НАН Беларуси. ФАНД. Арх. № 795.
16. Исаенко, В. Ф. Работы в Полесье / В. Ф. Исаенко // *Археологические открытия 1982 года: сб. ст. / АН СССР, Ин-т археологии; отв. ред. Б. А. Рыбаков*. – М., 1984. – С. 357–358.
17. Вергей, В. С. Западный ареал милоградской культуры / В. С. Вергей // *Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі НАН Беларусі*. – Мн., 1995. – Вып. 7. – С. 83–100.
18. Вяргей, В. С. Помнікі паморскай культуры на Беларусі / В. С. Вяргей // *Археалогія Беларусі: у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі*. – Мн., 1999. – Т. 2: Жалезны век і раннія сярэднявечча / навук. рэд.: В. І. Шадыра, В. С. Вяргей. – С. 75–85.
19. Исаенко, В. Ф. Отчет о полевых исследованиях за 1963 г. / В. Ф. Исаенко. – Мн., 1964. – 134 л. – Архив Ин-та истории НАН Беларуси. ФАНД. Арх. № 160.
20. Исаенко, В. Ф. Отчет о полевых исследованиях за 1964 г. / В. Ф. Исаенко. – Мн., 1965. – 92 л. – Архив Ин-та истории НАН Беларуси. ФАНД. Арх. № 233.
21. Поболь, Л. Д. Славянские древности Белоруссии: свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э. / Л. Д. Поболь. – Мн.: Наука и техника, 1974. – 423 с.
22. Вяргей, В. С. Справаздача аб палявых даследаваннях у Столінскім раёне ў зоне будаўніцтва проціпаводкавых дамбаў каля вв. Церабічы, Аздамічы, Кароцічы / В. С. Вяргей. – Мн., 1998. – 32 л. – Архіў Ін-та гісторыі НАН Беларусі. ФАНД. Арх. № 1662.
23. Белявец, В. Г. Матэрыялы жалезнага веку з селішча Петрыкаў-2 / В. Г. Белявец, В. С. Вяргей // *История вещей – история и вещи: к 60-летию юбилею И. О. Гаврилухиной / Рос. акад. наук, Ин-т археологии; отв. ред. А. М. Обломский*. – М., 2020. – С. 168–183. – (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 20).
24. Кухаренко, Ю. В. Зарубинецкая культура / Ю. В. Кухаренко. – М.: Наука, 1964. – 67 с. – (Свод археологических источников / АН СССР, Ин-т археологии; под общ. ред. Б. А. Рыбакова; вып. Д 1–19).

References

1. Kryval'tseвич M. M. Trzciniec culture. *Archaeology of Belarus: in 4 volumes. Vol. 1. Stone and Bronze Ages*. Minsk, 1997, pp. 330–339 (in Belarusian).
2. Kryval'tseвич M. The issues of periodization and chronology of Bronze Age on the territory of southern Belarus. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik = Historical-Archaeological Collection*. Minsk, 2006, iss. 22, pp. 39–52 (in Belarusian).
3. Kryval'tseвич M. M. From the studies of the late period of the Bronze Age in the south of Belarus. *Zmierzch kompleksu trzciniecko-komarowskiego. Krztałtowanie się nowej rzeczywistości kulturowej w środkowej i młodszej epoce brązu*. Lublin, 2006, pp. 123–131 (in Belarusian).
4. Kryval'tseвич M. M. Problems of the Bronze Age archaeology of Polissia in the works of Vladimir Fyodorovich Isaenko. *Materyyaly pa arkhealogii Belarusi: zbornik navukovykh artykulau. Vyp. 30: Dasledvanni belaruskikh starazhytnastsei*

[Materials on the archaeology of Belarus: collection of scientific articles. Issue 30. Studies of Belarusian antiquities]. Minsk, 2019, pp. 92–103 (in Belarusian).

5. Kukharenskiy Yu. V., Nikitina V. B. Report on field research in 1962. Moscow, 1963. 75 p. *Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus*. FAND, no. 179 (in Russian).

6. Kukharenskiy Yu. V. *Iron Age sites on the territory of Polissia*. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. 116 p. (in Russian).

7. Nikitina V. B. Report on field research in 1963. Moscow, 1964. 27 p. *Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus*. FAND, no. 212 (in Russian).

8. Nikitsina V. B. Sites of the Pomeranian culture on the territory of the BSSR. *Vestsi Akademii navuk BSSR. Seryya gramadskikh navuk* [Proceedings of the Academy of Sciences of the BSSR. Social Sciences Series], 1964, no. 2, pp. 69–77 (in Belarusian).

9. Nikitina V. B. *Pomeranian culture*. Ph. D. Thesis. Moscow, 1964. 520 p. (in Russian).

10. Beliaevs V. G. Flat burial field near Trastianitsa – the unknown results of archaeological expedition to Palesie in 1962. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik = Historical-Archaeological Collection*. Minsk, 2004, iss. 19, pp. 87–114 (in Belarusian).

11. Salewicz K. Nowe wykopaliska w pow. Brzeskim. *Z otchłani wieków*, 1937, vol. 12, iss. 7–8, pp. 166–170 (in Polish).

12. Asheichyk V. U., Beliaevs V. G. The remains of a prehistoric dugout from Skorbičy (Družba) Village in the Buh River region. *Chasopis Belaruskaga dzyarzhavnaga universiteta. Gistoryya = Journal of the Belarusian State University. History*, 2020, no. 3, pp. 72–82 (in Belarusian). <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-72-82>

13. Kukharenskiy Yu. V. From explorations in Polissia. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta arkheologii. Vyp. 107. Arkheologicheskie pamyatniki rannego zheleznogo veka* [Brief communications of the Institute of Archaeology. Iss. 107. Archaeological monuments of the early Iron Age]. Moscow, 1966, pp. 111–113 (in Russian).

14. Vergei V. S. Report on field research in the Pinsk district of the Brest region in 1987. Minsk, 1988. 95 p. *Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus*. FAND, no. 1091 (in Russian).

15. Isaenko V. F. Report on field research in 1982. Minsk, 1983. 50 p. *Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus*. FAND, no. 795 (in Russian).

16. Isaenko V. F. Work in Polissia. *Arkheologicheskie otkrytiya 1982 goda: sbornik statei* [Archaeological discoveries of 1982: collection of articles]. Moscow, 1984, pp. 357–358 (in Russian).

17. Vergei V. S. The western area of the Milograd culture. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik = Historical-Archaeological Collection*. Minsk, 1995, iss. 7, pp. 83–100 (in Russian).

18. Vyargei V. S. Sites of the Pomeranian culture in Belarus. *Archaeology of Belarus: in 4 volumes. Vol. 2. Iron Age and Early Middle Ages*. Minsk, 1999, pp. 75–85 (in Belarusian).

19. Isaenko V. F. Report on field research in 1963. Minsk, 1964. 134 p. *Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus*. FAND, no. 160 (in Russian).

20. Isaenko V. F. Report on field research in 1964. Minsk, 1965. 92 p. *Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus*. FAND, no. 233 (in Russian).

21. Pobol' L. D. *Slavic antiquities of Belarus: a collection of archaeological monuments of the early stage of the Zarubintsy culture – from the middle of the 3rd century BC to the beginning of the 2nd century AD*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1974. 423 p. (in Russian).

22. Vyargei V. S. Report on field research in the Stolin district in the zone of construction of anti-flood dams near the villages of Tereblichy, Ozdamichy, Korotichy. Minsk, 1998. 32 p. *Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus*. FAND, no. 1662 (in Belarusian).

23. Beliaevs V. G., Viarhej V. S. Iron Age materials from the settlement of Petrikov-2. *The history of things – history and things: on the 60th anniversary of I. O. Gavritukhin. Early Slavic world. Archaeology of the Slavs and their neighbors. Issue 20*. Moscow, 2020, pp. 168–183 (in Belarusian). <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-325-1.168-183>

24. Kukharenskiy Yu. V. *The Zarubintsy culture. Collection of archaeological sources. Issue D 1–19*. Moscow, Nauka Publ., 1964. 67 p. (in Russian).

Інфармацыя аб аўторэ

Портнов Дмитрий Валерьевич – аспирант, младший научный сотрудник отдела археологии первобытного общества. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: dpartnou@gmail.com. <https://orcid.org/0009-0002-7490-3117>

Information about the author

Dmitriy V. Portnov – Postgraduate student, Junior Researcher of the Department of Prehistoric Archaeology. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: dpartnou@gmail.com. <https://orcid.org/0009-0002-7490-3117>